

“И МОЙ НАРОД МЕНЯ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ”

(Вместо некролога)

Семнадцатого октября 2009 года Россия попрощалась с одним из последних патриархов русской поэзии и русской песни Виктором Фёдоровичем Боковым. Впрочем, “Россия попрощалась” – слишком громко сказано...

Узнав о том, что панихида состоится в Кунцево, я сразу посмотрел на часы: “Еду. Но успею ли?” – Успел, но напереживался в дороге.

В последние пятнадцать лет своей жизни Боков прямо-таки прислонился к журналу “Наш современник”. Он был рад, когда я навещал его в Переделкино, где вручал мне кипу листочков со стихами, под которыми плохонькой пишущей машинкой были пропечатаны трогательные слова: “написано 3 марта на веранде в 11 часов дня”, или “написано ранним утром первого июля”... “У меня на втором этаже, – по-детски хвалился он, – стоят 87 папок со стихами!” И я всегда любил его музу за искренность, за обилие чувств, за бескорыстное простодушие, родственное простодушию русских пословиц, народных песен, православных молитв и евангельских истин...

В ритуальном зале Кунцевской больницы народу было человек сто, но в основном мне незнакомые: родственники и старые друзья поэта, сотрудники Центрального дома работников искусств и Концертного зала имени Чайковского, певицы, исполнявшие легендарные песни Бокова, земляки Виктора Фёдоровича из Сергиево-Посадского района, почётным гражданином коего он был и чем всегда гордился. Вечером на поминках вдова поэта Алевтина Ивановна сказала мне: “Что бы без них делала? Они и Зал Чайковского оплатили для юбилейного вечера – 350 тысяч рублей за аренду собрали, и с кладбищем помогли, и с поминками...”

Земляков Бокова в ритуальном зале было много, хотя ехать им пришлось за сто с лишним километров. Но в зале почти не было собратьев поэта, писателей, – и москвичей, и, что особенно поразило меня, не было его многолетних соседей по Переделкино. А в России ведь принято, что соседи приходят на похороны. Разве что Володя Дагуров мелькнул в толпе, да главный редактор журнала “Российская Федерация” Юрий Хренов подошёл к вдове и произнёс слова сочувствия. Поэтому не руководители наших писательских союзов, не знаменитые писатели, а бывший глава Сергиево-Посадской земли Василий Дмитриевич Гончаров открыл гражданскую панихиду и с печальной торжественностью предоставлял слово всем желающим проститься с Боковым. Дошла

очередь и до меня. Я прочитал лагерное стихотворенье Виктора Фёдоровича, начинавшееся словами:

*Моё сибирское сиденье
Не совершило убиенье
Моей души, моих стихов,
За проволокой месяц ясный
Не говорил мне: “Ты несчастный!”,
Но говорил мне: “Будь здоров!”*

Я считаю это стихотворенье драгоценным свидетельством нашей истории, потому что в нём выражена глубинная народная мудрость, в своё время восхитившая Достоевского, понимание того, что даже самые закоренелые преступники всё-таки остаются людьми, что стихию добра и совести из человеческой души полностью вытравить невозможно...

*Я в уголовном жил бараке,
Какие там случались драки,
Как попадало мне порой!
Но всё ж ворьё меня любило,
Оно меня почти не било,
И кличку я имел Герой.*

Когда я закончил чтение и вернулся на место, то услышал, как кто-то, волнуясь, шепнул мне из-за спины: “Какие великие стихи!”. Я оглянулся: за мной стоял замечательный русский бард Александр Васин. А великие стихи заканчивались так:

*Ах, родина, Сибирь с бушлатом,
Меня ты часто крыла матом,
Но и жалела, Бог с тобой!
Скажи, стоят ли наши вышки,
И все ли на свободу вышли,
И все ль вернулись домой?*

После отпевания я подошёл к Алевтине Ивановне, которая (видимо, удручённая тем, что почти никто из писателей не пришёл попрощаться с поэтом) попросила меня поехать на переделкинское кладбище.

Стоял хмурый осенний день, мокрая листва покрывала кладбищенские дорожки, под ногами расплывалась липкая жёлтая глина.

Слава Богу, на кладбище писателей было побольше: подошла Лариса Васильева, появились Костя Скворцов с Валентином Устиновым, Володя Бояринов. Но не было никого из касты переделкинской знати, всю свою жизнь прожившей рядом с Боковым... Ни Евушенко, ни Ахмадулиной, ни Фазиля Искандера, ни Андрея Битова, ни Андрея Вознесенского, ни Игоря Волгина, ни Игоря Золотусского, ни Евгения Сидорова, ни Олега Чухонцева. Словом, всех, кто ратовал недавно в открытом письме на имя Президента: “Спасём Переделкино!” – не хватало в этом заголовке ещё слов: “для себя”, то есть для “живых классиков”, “и для своих внуков”.

Но шутки в сторону: мы прощались с последним классиком великой эпохи, о котором небожитель Вознесенский в своё время в статье, напечатанной в “Литературке”, писал и стихи сочинял: “Богу – богово, а Бокову – боково”... Вспомним ещё и о том, что Бокова хоронили вплотную с могилой их кумира Бориса Пастернака, высоко ценившего поэтический талант Виктора Фёдоровича. Не было на похоронах также Ф. Кузнецова и Г. Зайцева, до сих пор подписывающихся под всякими документами один как “председатель Президиума Международного Литфонда”, а другой как его “директор”. Ну, если они верят в то, что занимают эти должности, то тем более им надо бы присутствовать на похоронах такого эпохального значения.

Не было ни одного из сотрудников “Литературной газеты”, в том числе и её главного редактора, собственника двух особняков, построенных на переделкинской земле.

Не было, к моему огорчению, и русских патриотов-переделкинцев – В. Личутина и В. Кострова. Не было уроженки Оренбуржья Кондаковой, видимо, забывшей, что Виктор Боков написал слова бессмертной песни “Оренбургский пуховый платок”... И ни одного деятеля из общества “Мемориал” на

кладбище не было, хотя, казалось бы, Боков, отсидевший несколько лет в кемеровских лагерях, их естественный “клиент”... Увы! Они всю жизнь кричат только о людях своей касты, о родных по крови и по духу...

С такого рода растрёпанными чувствами, когда Алевтина Ивановна попросила меня произнести надгробное слово, я сказал, что в Переделкино много знаменитых писательских могил, но могила Виктора Фёдоровича будет особенной, потому что и кровно, и душевно, и по судьбе, и по языку он был не государственным, не партийным и не кастовым, а русским народным поэтом, каких до сих пор не хоронили на этом знаменитом погосте.

Говоря это, я думал и о братски соседствующем с могилой Бокова надгробии Пастернака, и о прахе Александра Межирова, недавно привезённом из Америки и захороненном в присутствии всех “живых классиков”, почему-то не пожелавших проститься с Виктором Боковым.

А то, что он воистину русский народный поэт из числа немногих, о которых Юрий Кузнецов написал: “Молчите, Тряпкин и Рубцов – поэты русской резервации”, свидетельствовало ещё одно обстоятельство: на его похоронах не было ни одного иностранного журналиста и ни одной съёмочной группы Российского телевидения. Видимо, все они были заняты гибелью и похоронами уголовного авторитета Япончика, вакханалия вокруг которого была нашим ответом на вакханалию, вспыхнувшую в Америке вокруг похорон Майкла Джексона.

Да и то, что ни президент, ни премьер, не выразили сочувствия семье поэта, окончательно утверждает меня в мысли о том, что Боков тоже был поэтом “русской резервации”.

Хотя возможно, что и знатные переделкинцы и мемориальцы с телевизионщиками не заметили его кончины потому, что не могли простить судьбоносного поступка из его творческой жизни. Но здесь надо вспомнить одну мою встречу с Виктором Боковым в дни его 90-летия. Я приехал в Переделкино, чтобы взять у поэта стихи и опубликовать их в сентябрьском номере журнала. Мы разговорились о разном, и о Сталине тоже. Я завёл речь о лагерных стихах Виктора Фёдоровича, в которых он с простодушной яростью проклинал сталинское время и говорил о Сталине только как о “Джугашвили”.

– Виктор Фёдорович! Мы с Юрием Кузнецовым задумали составить антологию стихотворений русских поэтов о Сталине. Не будете возражать, если напечатаем в ней ваш антисталинский цикл?

– Конечно, Станислав, – согласился Боков. – Что написано пером – не вырубить топором. Эти стихи складывались в зоне в сорок третьем – сорок четвёртом годах. Много воды утекло с тех пор. Печатайте! Всё, как написано. Ничего не поправляйте. Но добавьте к ним ещё два стихотворения, написанных недавно.

И он прочитал их. Стихи восхитили меня и непосредственностью, и мудростью одновременно. Первое заканчивалось так:

*Я жил при нём. При нём махал рукою.
Я понимал, что мне не жить в раю.
Прости, мой вождь, что я побеспокоил
Бессмертную фамилию твою.*

Вот тогда я ещё раз убедился в том, что, читая всё написанное о Сталине, нельзя верить ренегатам и идеологическим мошенникам вроде Волкогонова, Борщаговского или Евтушенко, меняющим как перчатки свои взгляды и переписывающим, в отличие от Бокова, свои мысли, а надо верить поэтам, прошедшим через приговоры, тюрьмы и ссылки, через все огни, воды и медные трубы сурового времени – Мандельштаму, Смелякову, Заболоцкому, Даниилу Андрееву, Николаю Клюеву и, конечно же, поэту от Бога, русскому страстотерпцу Виктору Бокову.

Виктор Боков, написав эти стихи, присоединил свой голос к голосу народа, который даже в управляемом ловкими шоуменами теледействе “Имя – Россия” поставил Сталина в конце прошлого года на одно из первых мест, а возможно, даже и на высший пьедестал народного признания:

*Сталинский след с Мавзолея не смывает
Ни дождями, ни градом снарядным...
Он с рукой зашинельной стоит
И незыблемым, и громадным.*

*Тянется цепь его мрачных годов
Через молчанье кремлёвских башен.
Думал свалить его подлый Адольф,
Но сам свалился! А Сталин бесстрашен.*

*Что теперь со мной — не пойму:
От ненависти пришёл я к лояльности.
Тянет и тянет меня к нему,
К его кавказской национальности!*

Это и есть ответ Виктора Бокова тележурналисту Сванидзе, который начинал при одном имени Сталина биться в падучей, и некоторым нашим пастырям, забывшим, что Сталин восстановил патриаршество, и депутатам Европейского парламента, сумевшим приравнять “сталинизм” к “гитлеризму” и выбросившим из памяти, что именно правительства их стран одевали своих сынов в коричневую форму и посылали в составе войск объединённой фашистской Европы к Ленинграду и Сталинграду. Да разве могут прийти на похороны **такого** Виктора Бокова Евтушенко, со стихами “Наследники Сталина” в кармане, Фазиль Искандер, сочинивший мерзкий и халтурный сценарий антисталинского фильма “Пиры Валтасара”, или Белла Ахмадулина, которая при мне в Грузии во время застолья, когда покойный Феликс Чуев поднял тост за Сталина, сорвала с себя туфельку и с визгом запустила её в ненавистного ей сталиниста? После этого понятно, почему она, выросшая в правильной советской кагэбэшной семье, подписала в кровавом октябре 1993 года позорное “письмо интеллигенции”, призывавшее к расправе над патриотами.

Ещё при жизни Бокова в его родной деревне Язвицы, в родовой избе был открыт музей поэта, обустроенный его земляками. Подобным же образом создавался дом-музей Есенина в Константиново, дом-музей Шолохова в Вёшенской, дом-музей Пришвина в Дунино, дом-музей Астафьева в Овсянке. Все эти дома-музеи объединяет то, что они были собственностью писателей или их наследников, которые поступили бескорыстно и благородно, подарив свою собственность обществу и государству. И совсем другое дело, когда дома-музеями становятся дачи, которые не принадлежали ни их покойным владельцам, ни родственникам, но изымались и отчуждались у писательского сообщества всяческими административными и чиновничьими распоряжениями, как это случилось в Переделкино... Слава Богу, что у Бокова на родине есть свой народный музей.

Последнее стихотворение Виктора Бокова, опубликованное в “Нашем современнике” за месяц до смерти, заканчивается так:

*Какие одолел я рубежи!
Как ни бодрюсь, а силы убывают,
Но человек, как тонкий стебель ржи,
Для блага всех свой колос наливают.*

*Простите мне мой вздох, мою слезу.
Порой и грусть поэта вдохновляет.
Я всё ещё иду, вперёд гляжу,
И мой народ меня благословляет!*

Перечитываю последние предсмертные стихи Бокова и поражаюсь его неистощимому жизнелюбию. Он до конца выполнил завет своего старшего друга, а теперь и соседа по вечному упокоению Бориса Пастернака:

*И надо ни единой долькой
Не отрекаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Народ пел и поёт песни Виктора Бокова, народ обустроивает ему музей, народ собирает деньги на оплату концертных залов для вечеров поэта, на его похороны и на его поминки, на издание его книг. Именно народ, а не власть и не каста, ещё находит силы опекать при жизни и достойно похоронить своего сына.

Вечная память тебе, сын народа-языкотворца, многострадальный и страстный до жизни поэт земли русской!

Станислав Куняев